

#LITERANOVA

СБОРНИК

Алексей Ведёхин

#LiteraNova. Сборник

«Издательские решения»

Ведёхин А.

#LiteraNova. Сборник / А. Ведёхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834678-1

Сложнее всего — написать аннотацию... Читабельную, маркетинговую, хорошую! Чтобы заглянуть на страничку книги в Интернете и сказать себе: «Ах! Беру! Покупаю!». Больше мне нечего добавить как составителю и одному из авторов. Берите! Покупайте! Ахайте от неожиданности и удовольствия!

ISBN 978-5-44-834678-1

© Ведёхин А.
© Издательские решения

Содержание

Хлеб наш насущный	6
Анастасия Букреева	6
Тьма	6
Ганди молчал по субботам	9
Подарок	12
Валерий Железнов	16
Гвоздь	16
Последний гешефт	18
Простой карандаш	19
Путешествие из Петербурга в Москву...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

#LiteraNova
Сборник
Алексей Ведёхин
Валерий Железнов
Григорий Неделько
Екатерина Чёткина
Артур Журавлёв
Василий Севрюк
Анастасия Букреева
Максим Черкас
Вадим Кузнецов

© Алексей Ведёхин, 2016
© Валерий Железнов, 2016
© Григорий Неделько, 2016
© Екатерина Чёткина, 2016
© Артур Журавлёв, 2016
© Василий Севрюк, 2016
© Анастасия Букреева, 2016
© Максим Черкас, 2016
© Вадим Кузнецов, 2016
© Владимир Аганеев, дизайн обложки, 2016
© Александр Суворин, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4678-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хлеб наш насущный

Анастасия Букреева

Тьма

Мама и папа хотели только самого лучшего. Поэтому много работали, домой приходили поздно, говорили мало и часто ссорились. И всегда у них были разные дела, настоящие и придуманные. Они облепили их с ног до головы, присосались пиявками, стянули бесконечными веревками проблем, и, в конце концов, родители почти перестали дышать. А Данька таких дел страшно боялся. От пиявок и жгутов он прятался под столом и вылезал оттуда только, когда про него вспоминали.

– Что ты там сидишь в темноте? – строго спросил папа.

– Папочка, он тебя задушит, – предупредил Даня и вцепился в хищный язык темно-красного галстука, завладевшего его отцом. Однажды папа вернулся домой с этой удавкой на шее. Мама сказала, что он теперь совершенно другой человек – начальник. А куда человеко-начальники прячут свои прежние версии, она не сказала.

– Какие глупости! Иди и делай уроки, иначе станешь дворником.

– Сейчас, папочка, – ответил Данька, с ужасом представляя себе грязного бородатого дядьку с метлой, каким ему предстояло стать в будущем. А в том, что это будет так, он уже не сомневался.

Словно зверек в капкане мучился Данька, пытаясь решить простенькую математическую задачу. Цифры скакали со страницы на страницу, разбежались в разные стороны, рассыпались на кусочки, собирались в другие циферки... Даня взял карандаш и превратил корявые холодные линии в букет фантастических цветов.

– Рисуетса само, – прошептал он удивленно. – Папа, у меня волшебный карандаш!

Но папа в волшебство не верил и так посмотрел на него, что Данька попятился и снова залез под стол.

От мамы всегда хорошо пахло, и ногти у нее были длинные крепкие, как стальные ножи. Маникюрша и парикмахер приходили к ней сами, потому что у мамы не было времени бегать по салонам. Даня с большим удовольствием подарил бы ей немного своего времени, если бы знал, как это сделать.

– Надо отдать его в футбольную секцию, – говорила мама. – Я не хочу, чтобы он сидел под мебелью и разрисовывал обои. Не хочу, чтобы его считали странным и чтобы он умер под забором.

Мама считала, что все странные люди неизменно и быстро умирают в самых печальных условиях или отрезают себе уши, как Ван Гог. О Ван Гог Даня ничего не слышал, но рисовать перестал. Он не хотел расстраивать маму.

В прикрытом скатертью темном углу Данька хранил несметные сокровища: блокнот с замочком, большую перламутровую ракушку, компас со светящимися стрелками, двух оловянных солдатиков. Еще у него под столом жил плюшевый заяц, сшитый бабушкой-невидимкой. Даня бабушку никогда не видел и поэтому был очарован ею. А в маленькой железной коробочке из-под конфет хранились монетки из разных стран мира. Мама не любила их и говорила, что по ним туда-сюда бегают армии иностранных микробов. Данька в микробов не верил. Но все же взял и вымыл монеты шампунем, чтобы они пахли так же хорошо, как и мама. Шампунь не помог. Монеты пахли деньгами, и мама их так и не полюбила.

Сидя под столом, Данька невольно подслушивал однообразные разговоры родителей о его, Данькиной судьбе. Папа говорил, что он непременно должен поступать на экономический факультет. А мама считала, что у юристов перспектив гораздо больше.

– Мы пошлем его в английский колледж, там самое лучшее образование, – говорила она. – А куда современному человеку без хорошего образования? Только в дворники.

Даня разговоров не любил. Он незаметно вылезал из своего укрытия и забирался на подоконник. Дане нравилось смотреть в окно и наблюдать за миром. Его до самой глубины души удивляло вечернее солнце, исчезающее где-то на краю Земли алым расплывчатым яблоком. Он допускал, что Земля круглая. Но допускал также и то, что у нее может быть край и даже несколько краев...

– Почему он все время ходит один? – беспокоился папа. – Почему один? Не смотрит телевизор, не подходит к компьютеру. Это нормально? Неужели ему не скучно?

«Почему мне должно быть скучно? – недоумевал Данька. – Разве я сам по себе не интересный?» Телевизор Даня не смотрел с тех пор, как в четыре года попил его из чайника. В новостях показывали войну и горели дома. Он хотел все исправить...

Однажды мама и папа решили, что так жить нельзя, и повели его на день рождения соседского ребенка. Праздник проводили в странном месте, где взрослые с умным видом кидали пушечные ядра в беззащитные кегли. К празднику мама долго готовилась, даже отпросилась с работы, даже зашла в модный салон, чтобы ей разгладили лицо. Потому что с морщинами ходить в гости неприлично. На день рождения шел Даня, но подарок имениннице почему-то выбирал папа.

– Все удивятся твоему подарку, сынок. Уверен, он будет самым лучшим.

Даня так и не понял, что за таинственная нанотехнология скрывалась в черном плоском предмете, который он торжественно вручил незнакомой накрашенной девочке в розовом платье. Девочка, по виду чуть старше Дани, возвышалась над ним на высоких взрослых каблуках.

– Тебе не больно? – с сочувствием спросил Даня. Он-то видел, как красивое мамино лицо иной раз искажала гримаса переживаемых страданий.

– В сандалиях и кроссовках ходят только в деревне. Это так некрасиво! А какой у тебя мобильник?

У Дани телефона не было. По правде говоря, он постоянно все терял, и ему перестали их покупать. Узнав об этом, именинница неприятно удивилась и побежала убивать кегли.

Взрослые обсудили расписание ближайших концов света и, невзирая на грядущий апокалипсис, решили выяснить, кем мечтают стать их обожаемые отпрыски.

– Андрюша, кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

– Я буду адвокатом.

– А ты, Сережа?

– Финансовым магнатом.

– А ты, Анечка?

– У меня будет своя косметическая фирма.

– А ты, Оленька?

– Я буду президентом.

Все смеются. Всем хорошо, они рады и спокойны за будущее своих детей и свое будущее тоже.

– А ты кем будешь, Даня?

– Я буду дворником.

Наверное, мама и папа решили, что он не интересен не только для себя самого, но и для всего остального мира, поскольку с тех пор в гости они не ходили. И приглашать их никто

не спешил. После этого случая вся семья решила спрятаться. Папа – в телевизор, мама – в магазины, а Даня по обыкновению укрывался под столом.

В Даниной семье читать было не принято. На книжных полках стояли мамины детективы и папины учебники по менеджменту. Но настоящих книг в доме не было... А Данька, как назло, очень любил читать. Чувствуя, что Земля не всегда бывает круглой, Даня, в конце концов, решил написать книгу сам. Он взял тетрадь, ручку и принялся что-то выдумывать неровным медленным почерком. Полностью погрузившись в другую вселенную, он склонился над своими мыслями и исчез из реального времени. Не поднял голову даже, когда в комнату вошел отец и вдруг заговорил с ним.

– Как дела в школе?

– Не знаю, папа, послушай, я написал историю.

– Молодец. А уроки ты сделал?

– Еще нет, но я придумал сказку.

– Я рад. А зачем?

Данька растерялся.

– Чтобы быть счастливым, – медленно ответил он.

– Почему именно так? – не понял отец, повернувшись к телевизору.

– Ты... все-таки не включай его, папочка.

Но папочка уже включил.

– Ну и что ты опять придумал? – вдруг спросила мама и села рядом.

Данька разволновался и покраснел.

– Я придумал настоящую сказку!

– Я рада, – маме почти удалось изобразить заинтересованность на своем лице, но Даньке показалось, что так даже хуже.

Он сочинил хорошую сказку. Про волшебный город с четырьмя магическими башнями и двух братьев, которые защищали его от Тьмы. Он так и написал с большой буквы – Тьма.

– Когда Тьма нападала на человека, она заворачивала его в черную простыню и усыпляла его душу, – грубоватым голосом вещал Данька. – Человек становился очень скучным и жадным. И очень равнодушным. С ним можно было делать все, что угодно. Он был рабом. Маленькие дети тоже становились такими. Ведь не у всех людей были волшебные имения, чтобы бороться с Тьмой.

– Волшебные умения ты хотел сказать? – уточнил папа, не поворачиваясь.

– Нет, я хотел сказать – волшебные имения. Человек же их имеет.

– Что имеет? – не поняла мама.

– Дары.

– Какой человек?

– Братья-воины.

– Так и говори, тебя трудно понять, – папа широко зевнул.

– Только они имеют?

– Раньше все имели, но потом потеряли. И когда Тьма завладела всеми жителями города, наступили темные времена.

– Ты немецкий сделал? – спросила мама.

– Не успел, – нетерпеливо отмахнулся Данька.

– Люди не знали, что они живут во Тьме. Они думали, что все в порядке, а на самом деле, они были пустые. Тьма ела их внутри. Тьма дала им много богатств даже. Чтобы они не думали. Они никому не верили, если... то есть, когда им говорили...

– Ты выучил умножение на семь и восемь? Мы же договаривались. Я же просила тебя.

Смяв листы бумаги, Данька разрыдался.

– Это не мужское дело, – строго заметил отец.

– Вы меня не слушаете.

– Мы тебя любим, – сказала мама.

– Не надо тратить время на сказки, – сказал папа. – Жизнь такая, что ты должен думать о будущем прямо сейчас. Понимаешь? Потом ты скажешь спасибо и мне, и маме. И не надо плакать.

– Вот ты, когда в последний раз плакал? – спросил Данька.

– Не помню. Я не умею. Времени нет. Я, сынок, прихожу домой поздно вечером, и мыслей никаких нет. Череп пустой.

– Я бы от этого каждый день плакал. Если бы со мной такая бессмысленность была.

– Бессмысленность?

– Нет, безмысленность. Это когда наступают темные времена. Почему ты так живешь?

– Потому что все так живут. Потому что от меня зависят другие люди. Это нормально.

Никто не говорил, что жить легко.

– А ты так не умрешь?

«Может, уже умер», – промелькнула и исчезла тревожная мысль, но вслух отец ничего не сказал. А через секунду про все забыл, потому что череп пустой.

Когда Тьма наступала на человека, она заворачивала его в черную простыню и усыпляла его душу. «И что это за штука такая – душа, – подумал Даня. – Можно ли ее поддержать в руках или нарисовать?»

– Мама, как выглядит душа?

– Кто дома? Сын, телевизор и муж...

Мама болтала по телефону, папа смотрел футбол.

Даня забрался на подоконник и прижался к прохладному стеклу, будто к живому существу. По двору шел дядька с метлой, остановился и ни с того ни с сего помахал ему своей огромной рукавицей. Возможно, быть дворником не так уж и страшно? У них нет начальников, галстуков-удавок и нанотехнологий, воздействующих на мозги. Подметаешь себе, размышляешь, кормишь бродячих собак... А потом приходишь домой, пьешь вкусный чай с шоколадкой, сочиняешь сказки и рисуешь души. Данька хотел было броситься к родителям и рассказать об этом, но быстро передумал и залез под стол. Там было светлее.

Ганди молчал по субботам

Цветы рождаются в асфальте. Маленькие хилые бутоны с пушистой пыльцой пускают корни сквозь вены и провода, ломают серый городской панцирь, нарушают правила. Они живут без мыслей. Молча. И при этом они счастливы.

Я сижу, прижавшись к холоду темечком. И со всех сторон на меня смотрят стены и тела без разбору. В конце дня мне нравится висеть на поручне в полупустом вагоне и смотреть на людей. Теперь они – моя семья.

А я любил свою семью. Мы были тихими и нежными, не ругались по пустякам и говорили друг другу правду. Папа, мама, бабушка, Карамелька...

Когда наступил апокалипсис, я думал о еде. Есть такая странная еда, в существование которой трудно поверить. Например, селедочное масло. Мама никогда не кормила нас селедочным маслом. Но я знал, что в мире есть китайские супы, картошка в порошках с сушеной зеленью и куриные кубики «Магги»... Я мечтал о них. Однажды папа рано пришел с работы и сел с нами ужинать. «Лучше я скажу это сейчас, – сказал он. – Я ухожу».

А я сказал: «Мама, я хочу бутерброд с селедочным маслом. Сделай, пожалуйста».

«Сегодня пельмени», – сказала мама и поставила кастрюлю на стол. Дедушка демонстративно встал и ушел в свой угол. Когда он вернулся, на нем была старая военная форма.

Я спросил, куда он собрался. Он ответил, что на войну. Я спросил, на какую. Он ответил, что будет защищать братьев-славян от бандеровцев. Такой был дурацкий день...

На утро я проснулся с болью в правом боку и в моей голове. Я выпил бутылку бурбона, которую стащил у папы. Выпил в мыслях. Вживую не удалось. Но я решил, что никогда не буду пить бурбон. В этот же вечер в нашем доме появилась Лизанька. Она была старше папы лет на десять, но точно сказать не могу, потому что она сама не знала, сколько ей лет. Документы Лиза потеряла. Розовая кофта, тележка и плюшевая игрушка с синим бантом – вот все, что я о ней знал. А в то, что Лизанька иногда говорила, верить было нельзя. Да она почти и не говорила. И я не слушал ее. Просто спросил: «Хочешь бутерброд с селедочным маслом?» Она кивнула. Так мы и подружились. Вечером, когда мама и папа вернулись домой, я познакомил их со своей подружкой.

– Когда ты принес домой котенка, я ничего тебе не сказал, ты помнишь, – сказал папа. – Но это не щенок и не хомячок. Как ты мог?

– Когда ты приведешь сюда эту свою секретаршу, я тоже ничего не скажу, – ответил я.

– Как можно сравнивать? Она – не секретарша.

А мама сказала, что ничего страшного не случилось. Что мы отведем Лизаньку обратно, в метро. И сообщим какому-нибудь обществу по защите бездомных. И что мы все еще друг друга очень любим. Просто папу мы будем видеть немножко реже. Папа согласился и сказал, что я – молодец, что людям надо помогать и что любовь – это самое главное. С тех пор папа стал Родителем 1, а мама – Родителем 2. Так мне было проще усваивать официальную информацию, исходящую от них.

Я вдруг понял: ни за что не позволю увести Лизаньку обратно. Ведь главное в этой жизни – любовь к ближнему. И еще – что слишком рано я не умру. Я же не гений и не святой какой-нибудь. Это их Туда собирают гроздьями. Без хорошей компании Там, наверное, скучно. Я сказал об этом Лизаньке. Она кивнула. Я спросил у Лизаньки, почему она все время молчит. А она мне – что-то про Ганди. Только я не понял, причем здесь Ганди.

Вечером Родитель 1 отвел Лизаньку обратно в метро, а утром мы с ней уже играли в шахматы в моей комнате. Судя по всему, Лизанька никогда не играла в шахматы раньше. Я подумал, что должен отдать свою кровать страждущему, и уложил ее спать. Оказалось, что Лиза храпит. Родитель 2 услышала и закатила скандал. А я на это ответил, что раз Родитель 1 все равно с нами жить не будет, я могу спать в его кабинете. А ближним надо помогать. Дедушка посмотрел на все это и ушел в свой угол. Через полчаса он вышел в коридор с охотничьим ружьем.

– Деда, ты куда? – спросил я.

– На войну, – ответил дед.

– На какую войну?

– Буду защищать братьев-славян от русских сепаратистов.

Родитель 2 позвонила Родителю 1 и пожаловалась на меня, на деда и на Лизаньку. А я сказал, что прыгну с крыши, если Лизаньку у меня заберут. Родитель 2 зачем-то впала в истерику и заявила: «Она съела Карамельку». «Чушь собачья», – ответил я. – Эта милая женщина – вегетарианка».

На самом деле, я не был так в этом уверен. Наша собака – такса Карамелька – по зодиаку Водолей, поэтому у нее мания величия. Никогда ничего прямо не скажет. А думает о тебе всякое. Иногда от невыразимого восторга писает в тапки, но все же настоящего зла никому не делает. И если Лизанька ее съела, это очень печально.

Родитель 1 приехал незамедлительно и тоже возмущался гибелью Карамельки. А Родитель 2 сказал Родителю 1, что если он не предпримет каких-либо мер, то меня больше никогда не увидит. И даже никаких денег нам от Родителя 1 не надо. Мы сами будем хорошо

жить. А я в это время сидел и подсчитывал, сколько раз в день в среднем человек говорит неправду. Лично я – восемнадцать раз.

Лизаньку отправили в метро. А я весь следующий день раскачивался из стороны в сторону и шептал разные неприличные слова.

– Почему ты так тихо говоришь? – спросил дед.

– Потому что жизнь слишком громкая, деда.

Дед погладил меня по голове и стал кому-то звонить. А Родитель 2 привела мне доктора. Мамин доктор посмотрел на меня и решил, что я странный, потому что аутист. Я спорить с ним не стал. Зачем обижать человека? Он нормальный парень, просто нервный. Родитель 1 порывался уйти к секретарше, но все не решался. А я дождался, когда оба Родителя начали делить имущество, и убежал на улицу.

Однажды я видел, как Лизанька мылась в фонтане на Малой Садовой. Никогда это не сотрется из моей памяти. Но теперь я понял. Мы прячемся в наших тесных уродливых норках от страшного мира за окном. А для Лизаньки весь мир был домом. С этой мыслью я нашел ее все там же, в вестибюле метро, и присел рядом. Я сказал:

– Лизанька, когда я вырасту, я стану предателем, как мой папа. И буду ходить по магазинам, как моя мама.

– Ганди молчал по субботам, – ответила она.

В этой жизни я всегда чувствовал что-то подозрительное, поэтому в десять лет начал разговаривать с камнем. Я нашел его во дворе под скамейкой, нарисовал ему глаза и рот и назвал его Томми. Только Лизанька была лучше. Она иногда прерывала мой монолог. Но вот причем здесь Ганди?

Когда мы с Лизой вернулись домой, на лестничной площадке стояла незнакомая женщина. Звали ее тетя Лена. Она была очень похожа на Родителя 2, но только моложе.

– Вы пришли за папой? – спросил я. И она кивнула.

– Вероятно, я им не родной. Меня взяли из детдома, куда и вернут в скором времени, – объяснил я, и Лизанька кивнула. Я предложил тете Лене сесть с нами на ступеньку. Мне кажется, она никогда не сидела на ступеньках раньше.

– Просто понимаете, тетя Лена, мама не говорит со мной. Она говорит: «Поехали, мне нужна твоя помощь». Мы едем в эти долбаные магазины, тетя Лена, мы едем в эти долбаные магазины на несколько часов. И вот эти несколько часов, они дохнут у вас на глазах. Часы, я имею в виду. А в это время можно было покататься на скейте в парке. Ну, или бороться за мир во всем мире.

У тети Лены было одно очень завидное качество: она ни о чем не спрашивала. Только кивала, как Лизанька. Я вдруг понял, что с этой женщиной отец долго не будет. В какой-то момент секретарша перестанет притворяться, и он увидит в ней маму.

– Я бесполезен?

– Что? – не поняла тетя Лена.

– Мы бесполезны, тетя Лена.

И все же я хотел, чтобы она ушла. Конечно, тетя Лена не виновата. Она просто как бы разрушила нашу жизнь.

Лизанька осталась с нами жить. Никто больше не возражал. Плохой признак. Родитель 2 купила мне тонну швейцарского шоколада, торт со взбитыми сливками и кожаную куртку. Я понял: дело неладно. И правда, на следующий день она пришла не одна, а с кавалером. Дедушка совсем помешался на телефонных звонках. Звонил и рассказывал обо всем кому-то. Я спросил: «Кому ты звонишь, деда?» Он ответил, что друзьям своим звонит по институту: Васе, Косте и Ире с площади Ленина. Я очень удивился. Ведь они все умерли давно. Он звонит в рай? Если он звонит в рай, может, там найдется наша Карамелька? И хорошо бы спросить у Ганди, какого черта он молчал по субботам.

Тетя Лена врезалась в рекламный щит и бросила Родителя 1. Она позвонила Родителю 2, чтобы извиниться, но попала на меня. Мы поболтали.

Дела Родителя 1 пошли в гору, он сделал ремонт в своем кабинете и дал Родителю 2 много денег на шопинг. После магазинов Родитель 2 приезжала веселая, но с глазами, как у зомби. А Родитель 1 все говорил: «Мы будем жить лучше, мы будем жить хорошо». Мои родители редко бывали дома, и нам с Лизанькой никто не мешал играть в шахматы и молчать по субботам.

Но я замолчал и в воскресенье, когда дедушка надел свой лучший костюм и по-настоящему ушел на войну. Только не уточнил, на какую. Родители подали заявление в милицию, но деда так и не нашли. Зато я нашел Карамельку. Она жила под скамейкой в соседнем дворе. Прямо скажем, фиговый из нее Водолей получился.

Лизанька продолжала спать на моей кровати, и я не возражал. Она вставала очень рано и смотрела, как просыпается солнце за окном. Мы вместе смотрели. Однажды она рассказала мне, почему оказалась на улице. Я тогда подумал, что хоть я и не святой какой-нибудь, но буду исполнять все ее желания. Вот, что бы она ни захотела. Только однажды в пять утра Лизанька взяла своего плюшевого медведя, обняла его и умерла. А я взял телефон деда и позвонил ей.

– Лиза, Лизанька! Ганди молчал не по субботам. А по понедельникам. Слышишь?

Пусть она не ответила мне. Очень важно, чтобы тебя выслушали. Это круче всего.

Я ушел, чтобы никогда у меня не возникло желания плюнуть в свое отражение. Карамелька хотела пойти со мной, но я подумал, что для таксы метро – не самое лучшее место для жизни. Поэтому я взял с собой плюшевого медведя Лизаньки.

Однажды в метро ко мне подошел папа. Он спросил, как же я теперь буду жить. Я ответил ему на листке бумаги: «Как Ганди». Если молчать хотя бы раз в неделю, то жить можно.

16.08. 2015

Подарок

Моему сыну тогда едва исполнилось девять. Из дома мы выходили редко и зашли в этот магазинчик случайно. Продавец, мрачный морщинистый старик лет восьмидесяти, мне не понравился с первой секунды. Мы холодно поздоровались, и я принялся изучать незамысловатый хлам, выставленный на прилавок.

– Вас интересует что-то конкретное? – спросил старик скрипучим глухим голосом и уставился на меня мутными бледно-серыми глазами.

– Нет, собственно, ничего не интересует. Просто на улице дождь, а сын в последнее время часто болеет, – простодушно ответил я.

– Здесь вам не вокзал, – выпалил старик, отвернулся от меня и переключился на сына. Он оглядел его с ног до головы с таким видом, будто рассматривал неодушевленный предмет. Это было неприятно, и я уже хотел возмутиться. Но вдруг лицо его резко изменилось.

– Хочешь что-нибудь из моих вещей? – спросил он.

Сын отрицательно покачал головой.

– А ты подумай. Я подарю тебе любую, какую пожелаешь.

Я решил, что старик не в себе, и потянул сынишку к выходу.

– Как давно это случилось? – спросил старик.

– Простите, что?

– Ну как же... носки разные, рубашка неглаженная, волосы грязные.

– Как-то не заметил, – смутился я и еще настойчивее подтолкнул сына к выходу.

– Стойте!

Старик вышел из-за прилавка, подошел к нам, остановился, пошел назад, снова вернулся и неожиданно протянул руку моему сыну.

– Извините за беспокойство. Мы уже уходим, – сухо процедил я и решительно развернул своего мальчика к двери.

– Стойте! – повторил старик.

Я остановился. В голосе его, таком неприятном ранее, зазвенели неожиданно мягкие ноты. Старик вытащил из шкафа странное ветхое одеяло, сшитое из множества разноцветных лоскутов, и протянул его моему сыну.

– Возьми.

Сын удивленно посмотрел на него.

– Я должен... – старик как будто разом разучился говорить, весь как-то выпрямился и стал выше сантиметров на десять, огляделся по сторонам удивленно, будто все это видел впервые. Дверная ручка в моей ладони стала горячей, с улицы ветер принес оранжевый лист клена и осторожно опустил его у моих ног.

– Я должен его отдать, как бы тяжело мне ни было. Понимаете?

Я отпустил ручку, наступил на лист и честно ответил, что не понимаю. Зачем отдавать что-то с таким сожалением? Тем более что речь шла о каком-то старинном пыльном предмете неизвестного происхождения. Но старик не обращал на меня внимания. Он смотрел на мальчика не отрываясь, словно от его решения зависела чья-то жизнь.

– Возьми его. И ты больше не будешь плакать.

– Почему вы решили, что он плачет? – раздраженно спросил я.

Мне не нравилось, когда взрослые дурачили детей. Мой мальчик плакал каждый день. Раз я не мог ему помочь – не сможет никто.

– Мы любим прятаться под одеяло с детства. Проблемы не найдут тебя там, – прошептал старик. – Это волшебное одеяло, самое удивительное из всех, когда-либо созданных на свете. И теперь оно твое.

В отличие от меня мой сын хорошо воспитан. Он принял подарок с благодарностью и, опустив голову, робко отошел в сторону. «Ладно, – сказал я, – бери, раз оно тебе понравилось». А про себя подумал: избавлюсь при первой возможности.

Мы шли домой молча, и я сердился на себя, на старика, на проклятый дождь и нелепую оранжевую осень, пожирившую мою душу. Я совершенно не представлял себе, как жить дальше.

– Папа, когда люди умирают, они становятся счастливыми? – спросил сын на следующее утро.

– Не все, только самые хорошие.

– Наша мама стала счастливой.

– Конечно, стала, – согласился я, но не был в этом уверен. Я не знал, стала она счастливой или нет. Как я мог это знать? Как плохо, что я не мог этого знать. – Ты хорошо спал?

Сын кивнул. Он спал прекрасно. Ни разу за эту ночь не проснулся от кошмара и не плакал.

Все последующие ночи прошли так же безмятежно. Только однажды он примчался ко мне в спальню сияющий, с головой укутанный в лоскутное одеяло, подаренное стариком.

– Что с тобой?

– Я не знаю... Мне хорошо...

Не понимаю, как такое могло произойти, но внезапно я разозлился на него. Что он знает о жизни? Он-то быстро оправится, вырастет, женится, у него родятся дети. А у меня этого больше не будет. Настоящее счастье дважды не случается. Я это понимал так же ясно, как то, что Земля вращается вокруг Солнца. Мое сердце разрывали иглы, оно съежилось и почернело: я завидовал своему сыну.

– Сними этот ужас. Его нужно выбросить, – сердито сказал я и протянул руку к одеялу. – Даже дворняга не стала бы спать на таком.

Сын вцепился в него изо всех сил и попятился назад.

– Что ты? Папа... Этого нельзя...

– Ты стал слишком много спать, я посмотрю.

– Но под ним я видел маму! Я хочу туда, где она теперь живет!

– Тебе приснится мама и под другим одеялом. Отдай!

– Нет!

– Нельзя убегать от реальной жизни, сынок. Старик ошибся. Только слабаки прячутся от проблем. Немедленно отдай мне эту тряпку!

– Я не могу. Я... ты не понимаешь.

Он прижал одеяло к себе и выбежал из комнаты. Никогда раньше я не кричал на него и теперь чувствовал себя скверно.

Вечером, когда сын уснул, я тихонько вошел в его комнату и подменил проклятую тряпку на новый шерстяной плед. Мальчик прошептал что-то во сне, но, на мое счастье, не проснулся. Утром я вынесу антиквариат старика на мусорку. Возможно, какой-нибудь бездомный подберет его.

Всю ночь я не мог заснуть. За окном выл ветер, бледные тени на стенах тревожно шевелились, душу как будто затягивало в гнилое болото.

Я встал и вышел в коридор. Одеяло лежало на комоде у входной двери. Нелепые разноцветные кусочки, соединенные вместе неумелой рукой. Здесь был и шелк, и трикотаж, и сатин, и даже бархат. Я никак не мог определить, чем оно пахло. В одном месте как будто корицей, в другом – индийскими благовониями, жасмином – в третьем. Чем оно было наполнено, я не хотел знать. Вероятно, внутри него проживало немало насекомых. Я мог не мыть голову неделями, ходить в мятой одежде, носить разные носки или совсем забыть об их существовании, но здоровье моего мальчика было превыше всего. Зачем откладывать дело в долгий ящик? Я взял одеяло и вынес на улицу. Кинув его у мусорного бака, на мгновение остановился: в темноте мне показалось, что неровные обмякшие контуры как будто чуть светились в темноте.

Мой сын ничего не сказал. Он просто посмотрел на меня.

– Это одеяло слишком грязное, малыш. Тебе это не нужно, – сказал я.

– Мне его подарили, и только я могу это решать, – серьезно ответил мальчик.

– Ты слишком мал, чтобы что-то решать.

– Это волшебное одеяло, самое удивительное из всех, когда-либо созданных на свете.

И теперь оно мое, – прошептал он и заплакал.

Я отвернулся. Гнусный старик запудрил мозги моему ребенку. Глупые опасные иллюзии. Мама умерла, и что бы ему ни снилось под этим одеялом, это не имеет значения.

Мне стало слишком жарко, в висках стучало, руки дрожали. Нужен был воздух, нужна была вся сырость и слякоть мира. Я буквально выбежал из дома и пошел бесцельно бродить по улицам. Я ходил несколько часов и думал о том времени, когда мы не ведали печали и могли позволить себе мечтать о маленьком домике на морском берегу, о новых неведомых странах и бабочках, да, о бабочках...

Когда я вернулся, сын уже спал, накрытый, разумеется, заколдованным одеялом старика. Это совсем не удивило меня. Наверное, он выбежал после моего ухода и проверил мусорный бак. Значит, одеяло не взял даже бездомный.

– Поднимайся! – скомандовал я.

В волосах его был тополиный пух, непонятно откуда взявшийся осенью. Удивленный спросонья, мальчик приподнялся над подушкой и замер. А я кричал на него. Кричал про старика, про мусор, про микробов, живущих в старых тканях, про то, что за окном страшное

время года, что справедливости нет, и счастья нет, и меня больше нет, потому что я не знаю, не понимаю, зачем и куда, и многое-многое другое...

А он вдруг встал на кровати и накинул мне на плечи одеяло. И вся тяжесть моих мыслей мгновенно улетела прочь.

– Пожалуйста! Ты должен мне поверить, – сказал сын.

Той ночью, заснув под старым лоскутным одеялом, я увидел удивительный сон. Бескрайнее поле ромашек, морской берег цвета топленого молока и густой лес, пропитанный утренним светом. Мир пах свежескошенной травой и летним дождем. А небо было ясным и нежным, как первый год жизни. А потом вдруг закружились листья, и прохладные снежные перья упали на бирюзовые волны. В каждой травинке, в песчинке каждой я чувствовал пульс Творца. Надо мной летали бабочки с полупрозрачной радугой крыльев, с которых сыпалась звездная пыльца и опускалась на ресницы. Они летели к дому на берегу моря, где меня уже ждали.

– Что за одеяло вы подарили моему сыну? Откуда вы его взяли? – с порога выдохнул я.

– А-а-а, вы спали под ним?

– Спал...

Старик улыбнулся. Он больше не казался мне уродливым. И морщины на его лице были совсем незаметны, и тембр голоса стал низким и приятным.

– Так ли это важно? – сказал старик. – Мне подарили его, когда умерла моя дочь. И я тоже спросил, откуда оно. Так же, как и вы.

Старик налил мне чашку чая. Я и забыл, насколько это может быть вкусно.

– Я слышал, что этому одеялу очень много лет, и каждый лоскуток – это судьба человека. Мне говорили, что там есть частички плащаницы. Той самой, в которую завернули Христа. Или оно связано с пророком Мухаммедом или с Буддой... Сейчас не могу сказать точно, и вряд ли это нужно. Просто очень важно знать, что... Важно знать, где ваши близкие.

Старик рассказывал о рае. В чашке янтарного чая мне виделось море и бабочки. Моя жена держала меня за руку. Я чувствовал ее всем своим существом, и там, где она сейчас, настоящий покой и счастье. Я знал это.

Прошло совсем немного времени, когда однажды мы с сыном вышли на улицу и увидели женщину в черном платье. Серое лицо, потухшие глаза, безразличный медленный шаг и невыносимо худые руки, сжимавшие мятый воротник.

– Пап, я схожу за нашим одеялом? – спросил сын.

– Нет... Зачем...

– Папа, я схожу за нашим одеялом.

– Сынок...

– У нее большое горе, разве ты не видишь?

Я внимательно посмотрел на сына, подошел к женщине и тихо сказал:

– Я должен... Должен вам кое-что подарить.

Валерий Железнов

Гвоздь

Последнее, что он отчётливо помнил, это то, как гранёный штык его трёхлинейки почти на половину легко вошёл в серо-зелёное сукно между двух верхних пуговиц. Даже мысль мелькнула: «Так легко?!». А потом всё погасло.

Он поднялся в первую свою атаку вместе с другими. Страх сковывал его движения. Дикий, животный страх требовал остаться в спасительном окопе. Но все поднялись вслед за лейтенантом, а он всегда был как все. Так его учили с детства: «Только вместе мы сила, только вместе нас не победить!» Грянувшее «Урааа!» утонуло в грохоте разрывов. Сначала невнятные хлопки миномётов и глухие удары пушек где-то впереди, и через секунду снаряды вздымали снежную пыль с комьями мёрзлой земли. Уши тут же заложило от удара взрывной волны. Ни выстрелов, ни криков он уже не слышал. Какое там «Ура!», он просто орал во всю силу лёгких, заглушая этим криком свой страх и желание рухнуть в сугроб, спрятаться в нём от всего этого ужаса.

Вообще-то, он был готов умереть героически в бою, но всё равно боялся. Боялся получить пулю ещё там на бруствере окопа, когда выскочил вместе со всеми. Боялся погибнуть, не уничтожив ни единого врага. Но его пуля досталась Сашке из Воронежа. Тот чуть опередил, и неуклюже ткнулся головой в снег. Все бежали вперёд, рассуждать не было времени. Уже где-то посреди нейтральной полосы рвануло совсем рядом, подняв в воздух сразу четверых ребят из взвода. А ему опять повезло. Только отшвырнуло волной, обдало вонючими газами. Поднялся и снова побежал вперёд. Голова гудела как колокол, а в ней лихорадочно билась одна мысль: «Скорее бы, скорее бы их передний край!» А когда он отчётливо увидел серые каски и вспышки выстрелов, рванул ещё быстрее, чтобы его не срезал автоматной очередью тот очкастый немец. У самого немецкого окопа он споткнулся, и очередь, предназначенная ему, прошла над головой. Кубарем свалился на промахнувшегося немца. Отскочил как ошпаренный и, не разбирая, ткнул штыком куда-то в сторону вражеского солдата. И лишь в последний момент удивился: «Так легко?!»

Равнодушные колючие звёзды смотрели на него с чёрного безлунного неба. Он видел их сквозь смёрзшиеся ресницы правого глаза, левый не открылся совсем. Не было ни боли, ни страха. Лишь тишина, темень и холод окружали его. Свет этих морозных звёзд всё-таки пробудил искру сознания: «Вот она какая, Смерть. Темно и тихо. Совсем не страшно. Просто темнота и всё позади». Он хотел вздохнуть с облегчением, но не получилось. Рот был забит грязью, на зубах противно заскрипел песок. Попытался выплюнуть изо рта эту гадость. Повернул голову и внезапно взвыл от нестерпимой боли. Она вонзилась в него как штык. В безумном крике он израсходовал всё содержимое лёгких, и поперхнулся на вдохе обжигающим ледяным воздухом. Закашлялся взхлёб, и только теперь понял, что жив. Это открытие так удивило его, что даже боль отошла на второй план. «Жив! Так это не смерть?! Я живой!» – обрадовался он, но тут же понял, что ранен, и вновь потерял сознание.

На этот раз забытьё продлилось недолго. Он скоро очнулся и, успокаивая сам себя, попытался понять, насколько тяжело ранен. Голова болела, но это не та боль, которая заставляла его кричать. Та страшная боль исходила откуда-то слева, из плеча. Тело почти не слушалось, оно было словно спутано чем-то. Что-то навалилось на него сверху. Ноги совсем не чувствовались, будто их и не было. И только правая рука послушно отозвалась. Стараясь не делать лишних движений, ощупал лицо. Оно было покрыто толстой коркой замёрзшей спёкшейся крови. Потому и левый глаз не открывался. Очистил глаза и продолжил ощупы-

вать себя дальше, пытаюсь одновременно разглядеть что-нибудь в темноте. Рука наткнулась на чьё-то окоченевшее лицо. Сверху на нём лежал убитый им же немец. Очки так и остались на носу трупа. Попытался сбросить с себя немца, но тот не поддавался, а усилие отдалось острой болью в левом плече. Теперь ясно, куда его ранило. С большим трудом, преодолевая боль, он выполз из-под немца и наполовину завалившей его земли. Из последних сил приподнялся и привалился к стене окопа. Того самого окопа, в который свалился ещё днём во время атаки. «Сколько же времени я здесь пролежал? Ночь уже. И где наши?» – рассуждал он, отдыхая после невероятных усилий, – «А вдруг атака провалилась? Тогда тут немцы! Они возьмут меня в плен, а у меня даже нет сил застрелиться. Обидно!» Но прислушавшись, к отдалённому шуму боя, понял, что наши взяли передовую линию окопов, и сейчас бой ушёл далеко вперёд. А санитары посчитали его мёртвым, и оставили в полусасыпанном окопе дожидаться похоронной команды. Но те пойдут только утром, а до утра можно и замёрзнуть насмерть. Обидно будет, выжив в бою, замёрзнуть рядом с убитым фашистом. Нет, теперь уж он умирать не собирался. Он ещё слишком молод. Надо только перетянуть раненую руку и добраться до санбата, а там уж подлатают.

Но выбраться из окопа оказалось делом непростым. Два раза он срывался, скатывался обратно, воя от бессилия и боли. Левая рука не слушалась и на каждое движение отзывалась ударом боли. Ноги вообще не подавали признаков жизни, хотя на ощупь казались целыми, крови не было. Да и голова плохо соображала. Всё кружилось и гудело. Осколок пробил каску и запутался в шапке-ушанке, лишь срезав кусок кожи на лбу. Потому и крови на лице было много. Контузия. Видно чей-то снаряд попал в окоп, засыпав его наполовину. Осколками разворотило левую руку и шарахнуло по каске, а вот от смерти его спас очкастый немец, приняв в свою спину основную массу осколков. «Странно получается – я его убил, а он мне жизнь спас» – подумалось ему, когда с третьей попытки удалось выбраться из окопа.

Подобрали его уже утром. Он полз, ничего не видя и не слыша, продолжая ползти даже на носилках. Потом был медсанбат и госпиталь. Отмороженную правую ногу съела гангрена в прифронтовом госпитале, а левую руку отняли ещё в медсанбате.

– Отвоевался, рядовой, – сказал военврач, выписывая документы, – теперь домой.

– Так точно, товарищ военврач, – с досадой ответил солдат.

– Не горюй, и без тебя немца добьём, – уловив интонацию бывшего пациента, успокоил врач.

До ворот его провожал грузинский парень по имени Гиви. Они подружились здесь, в госпитале. А на прощание Гиви подарил ему кепку, такую, как носят у них в Кутаиси.

– Вот, возьми, дорогой, на память, у меня больше ничего нет. Вот после войны приедешь ко мне в Кутаиси, тогда уж...

– Спасибо, Гиви, я буду носить её по праздникам. Береги себя!

По сырому просёлку среди неспаханых ещё чернозёмов ковыляет на костылях одноногий солдат. Культя его левой руки крепко притянута ремнём к костылю. За плечами совсем тощий вещь-мешок. На груди солдата не блестят боевые награды, а лишь одинокая нашивка за ранение виднеется на гимнастёрке под расстёгнутой шинелью. Медленно шагает его левая нога, неспешно текут мысли в голове фронтовика.

Уходил он на войну молодым сильным парнем с геройским желанием бить ненавистного врага, топтавшего родную землю, а возвращается никчёмным калекой. Да ладно бы герой с орденом, а то всего-то одного фрица и проткнул штыком со страху. А теперь, что он такое теперь? Кому он нужен? На что годен? Мать, конечно, будет рада. Хоть какой, но вернулся. Писал ей из госпиталя, успокаивал. На батю-то похоронка пришла ещё в августе. А вот как примет его та, образ которой видел он в горячечном бреду среди изрытого воронками снежного поля? Полз он к этому образу из последних сил, только благодаря ему

и выжил. А ведь ничего особенного между ними не было. Поцеловал её однажды, и то только когда на фронт уходил. А до этого не давалась. Но сладкий тот поцелуй, кажется, до сих пор помнят губы. Ждёт ли она его? А если и ждёт, то зачем он ей такой – одноногий не герой?

Вот уже на пригорке виднеются крыши родного села. Чёрными муравьями на прошлогодней траве копошатся люди. Одни бабы с ребятишками в селе остались, да старики. К пахоте готовятся. Ох, и нелегко им приходится.

Вдруг одна фигура отделилась от остальных и быстро стала спускаться с пригорка. Захолонуло сердце солдата, остановился он в нерешительности. Знакома, ох как знакома была ему эта фигура. Девушка бежала навстречу, не разбирая дороги. Перепрыгивала лужицы, хлюпала галошами в раскисшей колее. Белый платок съехал с головы, а за спиной болталась толстая светло-русая коса. Где-то на полпути застряла в грязи галоша, но девушка этого даже не заметила, или просто не обратила внимания. Взгляд её огромных серых глаз был устремлён к стоящему на обочине солдату, и только он занимал всё её внимание. В паре шагов она остановилась, раскрасневшаяся от быстрого бега, переводя дыхание. Они стояли, молча глядя друг другу в глаза, и взгляды эти говорили выразительнее любых слов. Через минуту она со слезами бросилась ему на грудь. А он обнял её здоровой рукой, и целовал, пахнущие домом, пшеничные пряди волос.

Девятого мая главный агроном совхоза надевал свой праздничный костюм, на пиджаке которого позвякивали три юбилейных медали, и красовался орден «Трудового красного знамени». Потом доставал из шкафа грузинскую кепку и отправлялся в дом культуры на торжественное собрание.

– Ты в этой кепке, как гнутый гвоздь, – подшучивала жена.

– Я обещал ему, что буду носить её по праздникам, – серьёзно отвечал седой муж.

А когда оркестр грянул «День Победы», он подумал: «А ведь я и есть гвоздь. Ржавый, гнутый жизнью гвоздь, как и миллионы других, вбитый в здание нашей победы!»

Последний гешефт

Восемнадцатого августа сорок первого, при поддержке пехоты, румыны бросили на Одессу свою 1-ю танковую дивизию, намереваясь прорвать оборону стальным клином, как это сделали немцы десять дней назад, выйдя к побережью Чёрного моря в районе Очакова. Но румыны – не немцы. От Карпово и до самого Хаджибейского лимана держали оборону всего два стрелковых полка, а на стыке их позиций стояли ополченцы районной обороны.

– Попить бы, Беня.

– Семён Аркадич, вы же образованный человек, вы же инженер, нельзя вам пить.

– Да я знаю. Когда осколок в животе, какое питьё, только шутить и остаётся.

– Или! А, воды всё равно нет. Давайте-ка я вам мешка под голову подкладу, щёб удобне# было.

– Может, у кого осталось? Сами бы попили. Ишь, как жарит!

– А у кого? Никого вже кроме нас не осталось. Ни воды, ни патронов, ни хлопцев. Я тут имел поползать по окопчикам пока вы отдыхали, так ничего не нашёл, а шё и осталось, взрывами позасыпало. Всё наши хлопцы в румынов выпустили, вот только одна эта фрукта и есть. Противотанковая.

– Распорядитесь ей, Беня, правильно.

– Семён Аркадич, Семён Аркадич, не делайте мне смешно. Нет такой вещи, на которой бы одесский еврей не сделал гешефта. И поверьте, Беня Гельцерович с Молдаванки, старый контрабандист, и уж он-то знает в этом толк. И я таки продам эту последнюю гранату

так, шё у Антонеску денег не хватит за расплатиться. И если они себе там думают, щё они быстро будут в Одесе, таки они глубоко ошибаются. Это мы скоро будем в Бухаресте.

– Так вы контрабандист, Беня?

– А шё? Очень уважаемая профессия. Правда, немножко можно сесть, но вполне себе прилично.

– И с румынами дело имели?

– Были у меня в Констанце два компаньона, деловые люди. А шё? Мы имели честный гешефт, и делали друг другу приятное. Им эта война, как моей Циле коровий хвост. Так ведь вылез этот падлюка-Гитлер и всё испортил.

– Штоб ему жилось, как мне сейчас!

– Или! И шёб маму его... я очень извиняюсь, выпали все зубы, и остался один для боли.

– А вы зачем в отряд пошли? У вас же грыжа.

– Семён Аркадич, вы сами с откуда?

– С Пер#сыпи, коренной.

– Одесит, значит? Так я вас умоляю, зачем вы говорите мне обидное? Я тоже одесит. И мне тоже хочется, чтобы моя Сонечка кончила на врача, и с красивым молодым человеком шикарно гуляла по Французскому бульвару под цветущими каштанами. И если вы себе думаете, шё мне всё равно, шё это будет немецкий солдат, или румынский офицер, таки нет!

– Ша! Слышите моторы? Опять пошли.

– Да, видно не дожидаться нам подмоги. И разговор наш прерывается, а как приятно беседовать за жизнь с культурными людьми.

– Вы кудой, Беня?

– Пойду румынам гранату продавать.

Беня в окоп не вернулся, но у первой дивизии ещё одним танком стало меньше. Этот день румыны назовут «Катастрофой под Карпово».

Простой карандаш

Нас было когда-то тринадцать. Мы все были одинакового размера, новенькие и блестящие, пахнущие свежим лаком. Мы лишь недавно появились на свет и очень скоро нас подарили Ему. Отточенные острым перочинным ножиком, мы с нетерпением ждали первого свидания с бумагой. И Он не заставил себя ждать.

Лишь единожды я коснулся своим грифелем белого листа и тут же вернулся в коробку, а мои цветные братья оказались намного счастливее меня. Он часто вынимал их из коробки и пытался что-то нарисовать. И пусть Его детская рука совсем ещё не умела держать карандаш, но Ему нравились те яркие цветные следы, которые оставляли после себя мои братья. А они радовались своей востребованности и по-братски жалели меня, ведь я такой простой и невзрачный. Жалели, но ничем мне помочь не могли. Они, вообще, были очень добрыми, даже чёрный. У них были мягкие сердечники. С готовностью они отдавали свои цвета бумаге, радуя Его, часто крошились, разбрызгивая по листу крупинки себя, ломали грифели, и вновь затачивались острым ножом. Они быстро уменьшались в размере, но каждый раз натруженные и счастливые возвращались в коробку. А потом рассказывали мне, как у Него всё лучше получаются линии, кружочки. Я смотрел на братьев с нескрываемой завистью и считал конченной свою никчёмную жизнь.

Один за другим мои братья быстро окончили свою короткую жизнь, оставив после себя много ярких следов. Чёрный оказался последним и рассказал мне на прощание, что Он впервые нарисовал человечка и цветок. Когда не стало и чёрного, я остался один в нашей коробке, отточенный единственный раз и почти не изведавший радости общения с бумагой.

Потом рядом с моей коробкой в столе появилась огромная глянцевая упаковка с сорока восемью иностранцами. Эти родственники откровенно презрительно относились ко мне, ведь я уже давно никому был не нужен и забыт в дальнем углу ящика. За иностранными карандашами появились другие и новые, за ними вольготно расположились фломастеры, затем набор акварельных красок с кисточкой, а через несколько лет все ящики были завалены толстыми маркерами и баллончиками с краской. Те даже презирать меня не хотели, они просто меня не замечали, ведь я для них был чужой. Много их перебывало в нашем столе. Но и они уступили своё место масляным краскам, множеству кистей и широченной самодовольной палитре. Наш старый стол наполнился приторным запахом олифы и резкой вонью растворителей. Все смотрели на меня и мою стареющую коробку кто с удивлением, кто с усмешкой, как на какую-то древность.

Прошло много лет, но однажды из забытья меня вывел яркий свет, хлынувший в темноту моей потрёпанной измятой коробки. И, о чудо! Я узнал Его руку! Это была уже не та детская ладошка, а рука опытного художника. Она стала большой, сильной, натруженной. Но я узнал её, ведь именно она познакомила меня когда-то с бумагой. И вот мы вновь встретились – с бумагой, с рукой, с НИМ.

Несколько пробных штрихов, пара чётких овалов, жирная точка. Я ещё не верил своему счастью, когда из-под моего грифеля выходили уверенные линии карандашного наброска. Рука мастера не терзала меня, не крошила, не ломала сильным нажатием. Я понял, что Он меня бережёт, теперь я ему понравился.

Очень часто во сне я видел один и тот же сон, как Он одним мною рисует удивительные цветные картины. Как часто и безнадежно мечтал я об этом наяву. И вот оно! Сбылось! Оказалось, что мой грифель может изобразить и непроглядную тьму ночи, и серую пелену тумана, и яркий луч Солнца. Он рисовал мною и алые маки, и бирюзовое небо, и изумрудную зелень полей. Картина огненно-рыжего заката сменялась серебристой лунной дорожкой на сапфировой глади озера. Но удачнее всего получался дождь и волны. Я и сам не ожидал в себе такой богатой палитры. И хотя это были только оттенки серого, Его талантливая рука наполняла их таким светом, что в рисунках можно было распознать все цвета радуги.

Я прожил дольше моих братьев. Он бережно относился ко мне даже тогда, когда я жалким огрызком уже не помещался в руке. Художник расколол остаток моей деревянной оболочки и раскрошил грифель в порошок. Растёртый по листу бумаги я превратился напоследок в пышные грозовые тучи, пронзённые дерзким росчерком молний. Это был мой последний рисунок, но я счастливым уходил из жизни.

Я успел сделать многое. Мне тоже посчастливилось оставить после себя яркий след.

Путешествие из Петербурга в Москву... через Сибирь

Четыре года прошло с тех пор, как я отважился путешествовать по нашей необъятной стране. Поездки в Москву и обратно я не считаю.

Так вот, вновь поездом, но теперь в августе и немного другим маршрутом. Приятно удивил плацкартный вагон фирменного поезда Санкт-Петербург – Новокузнецк. Новый, чистый, с кондиционером и вакуумными биотуалетами. Правда, один из них сломался в первый же день поездки, и очередь увеличилась вдвое. Но это, я вам скажу, пассажиры сами виноваты. Ведь предупреждали же: «Ничего в унитаз не бросать!» Ну, а в остальном ехали вполне прилично. Прошлый раз ехали в купе, но теперь такое удовольствие не по карману. РЖД задрал цену так, что на самолёте дешевле. Снова за окнами мелькали леса, реки и заброшенные поля. Большие города и малые посёлки светились во тьме, а оставленные жителями деревеньки взирали грустно на проносящийся поезд пустыми проёмами выбитых окон.

Буйная зелень хоть и очень старалась, но не всегда скрывала следы жестоких лесных пожаров. Пару раз и нам пришлось проскочить через дымовую завесу. Жара этим летом стояла неслосная (кроме Питера), да и людское сознание не стало лучше, вот и пожират огонь белоствольные берёзки и корабельные сосны.

Изменилось немное, но в лучшую сторону. Бросаются в глаза огромные дачные посёлки вокруг городов. Сроится много новых домов, а старенькие отделаны современными материалами. Вдоль автомобильных трасс выросли новые АЗС и мотели. Исчезли груды ржавого металлолома вдоль дорог. Скорее всего, местные жители сдали их в скупку металла. Всё хоть какой-то заработок. Ведь ни для кого не секрет, что в провинции с работой дело обстоит не лучшим образом, да и зарплаты на порядок ниже, чем в столицах (я имею в виду зарплаты простых работяг, а не тех, кто действительно владеет всеми богатствами России). На станциях народ чем только не торгует, хотя торговля с рук на перронах запрещена. Но опять же, заработать всем хочется.

Как перевалили Урал, картина несколько изменилась. Бескрайние просторы Сибири размывали следы нашей европейской разрухи. Ну, это и понятно, плотность населения совершенно разная. И поезд останавливался гораздо реже. Только и оставалось любоваться пейзажами из окна вагона. А любоваться было чем. Всё же красивая наша страна. Какие просторы! Какая мощь!

Величественный, в стиле сталинского ампира, вокзал Новосибирска принял нас в свои объятия ранним утром, а обычная маршрутка, по цене выше Питерской, отвезла на автовокзал. Списанный десяток лет назад где-то в цивилиной Европе автобус с разбитым лобовым стеклом, поглотил в своё чрево полсотни человек, и, поскрипывая обшивкой, да гроыхая подвеской, поскакал по федеральной трассе на юг. Дорога, я вам признаюсь, даже очень ничего. Не германский автобан, но всё же... Но шесть часов в жестяном «ведре» без кондиционера при плюс тридцать пять – это знаете ли не каждому южанину по нраву, а уж тем более «замороженным» жителям Питерских болот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.